

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

СЛЕЗЫ БОГОВ

ВЛАДИМИР ПРЯМИЦЫН

В сводках не сообщалось...

Владимир Прямыцын
Слезы богов

«ВЕЧЕ»

2018

Прямицын В. Н.

Слезы богов / В. Н. Прямицын — «ВЕЧЕ», 2018 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7568-9

Действие остросюжетного романа Владимира Прямицына разворачивается в годы Второй мировой войны на маленьком арктическом острове Медвежий, где пересекаются жизненные пути главных героев – советского и немецкого диверсантов-гидрометеорологов. За долгие месяцы, проведенные в ледяном безмолвии, они мирятся с опасным соседством, пытаются извлечь из него определенную выгоду и открывают в себе новые качества...

ISBN 978-5-4484-7568-9

© Прямицын В. Н., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Слезы богов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Прямыцын

Слезы богов

© Прямыцын В. Н., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Слезы богов

* * *

Небо Заполярья почти всегда низкое и хмурое. Люди рождаются, стареют и умирают, любят и ненавидят, строят и разрушают, а оно тысячелетиями не меняется в своей серости. В жизни людей происходят изменения, случаются роковые перемены, а небо всем своим неприглядным видом показывает человеку, что возня, происходящая внизу, не более чем мгновение в его размеренной жизни.

В ожидании тех самых роковых перемен на лавочке у входа в двухэтажное деревянное здание военного комиссариата сидели два молодых человека. Полярный день давно закончился, и теперь по ночам было темно и холодно. Ребята только что окончили школу и, несмотря на то что по возрасту не могли быть призваны в армию, все равно пришли сюда, чтобы записаться добровольцами на фронт. Чтобы оказаться среди таких юношей первыми, они применили военную хитрость, которой были чрезвычайно горды. Они оба сказали своим матерям, что переночуют друг у друга, а сами заняли очередь у дверей здания комиссариата еще с вечера. Легкая одежда не располагала к ночному бдению под осенним мурманским небом. Парни продрогли, и, вероятно, в глубине души каждый из них уже пожалел, что пришел сюда настолько рано. Однако ни один из них не допускал мысли о том, чтобы пожаловаться своему компаньону, – слишком желанной была их цель.

Чтобы отвлечься от мыслей о холоде и скоротать мучительно тянущееся время, один из парней, который постарше, возобновил разговор, угасший уже более часа назад:

– Ты куда хотел бы попасть?

– Я-то? – переспросил второй, очевидно обрадовавшись новому витку беседы. – В танкисты. Вот уж кто задает жару фрицам.

– Ничего подобного. Все держится на пехоте, – возразил тот, что постарше. – Кроме того, пехота – это сразу в бой. Прямо с поезда – в атаку. В танкистах сначала надо поучиться, а мне эта учеба уже вот где. Хочу делом заниматься, а не тетради марать.

Беседа снова утасла, не получив дальнейшего развития. Да и какое развитие могло быть. Как обмануть военкома, в какие войска попасть, как скорее отправиться на фронт – эти темы непрестанно занимали приятелей и были уже многократно ими обсуждены.

В начале войны немецкие войска предприняли решительное наступление на Мурманск. В своих планах немцы отводили на взятие города считанные дни и с присущей им педантичностью уже распланировали жизнь города в условиях оккупации. Однако героические усилия воинов 14-й армии и Северного флота не позволили противнику с ходу овладеть городом. Остановившись на подступах, немцы втянулись в позиционную войну. Не сумев взять город с суши, они стали методично разрушать его с воздуха. Каждый день мурманчане подвергались налетам, получая передышку лишь при нелетной погоде. В некоторые дни фашисты совершали до 15 воздушных налетов. Город был преимущественно деревянным, и немцам, применявшим фугасные и зажигательные бомбы, удавалось наносить ему большой урон.

В ночь, когда два молодых человека, стуча зубами от холода и поддерживая друг друга беседами о желанной отправке на фронт, ожидали открытия дверей военкомата, погода благоволила жителям Мурманска. Низкие тяжелые облака укрыли многострадальный город одеялом, позволив спокойно поспать. Так что юноши, сидевшие на лавочке у военкомата, могли без опасений мечтать о предстоящем призыве на фронт, куда каждый из них рвался всем сердцем.

К утру оба парня уже изрядно замерзли, но их страдания были щедро вознаграждены: к моменту начала работы призывной комиссии у дверей уже собралась солидная очередь, и друзья были в ней первыми. Даже самые нахальные и бойкие юноши, привыкшие локтями прокладывать себе дорогу вперед и имевшие все физические возможности оттеснить героев ночного бдения от заветной двери, отдавали должное их терпению и не настаивали на своем. Посиневшие от холода приятели первыми предстали перед сотрудниками военкомата – вершителями судеб и почти божествами, решающими, кому стать мужчиной и воином, а кому остаться тружеником тыла.

В просторной комнате за двумя столами располагались люди в военной форме, которым предстояло побеседовать с желающими вступить в Красную армию добровольцами. Приятели вошли первыми, сели на стулья, приставленные к столам, и стали снова прокручивать в голове заранее заготовленные ответы на пока еще не заданные вопросы. Когда началась беседа, парни бодро отвечали, стараясь, чтобы манера их общения как можно более походила на ту, которой общаются военные. Заученными и отрепетированными фразами они оба заявили, что им только что исполнилось по 18 лет и что они не могут больше безучастно наблюдать за тем, как враг топчет родную землю. Молодые люди довольны собой. Им удалось воплотить в жизнь то, что они столь долго и столь тщательно планировали. Тот, что помладше, не удержавшись от соблазна, даже подмигнул своему коллеге, мол, дело в шляпе!

Внезапно одного из кандидатов в ряды Красной армии, того из двух, что был постарше, схватил за ухо подошедший сзади одноногий человек с костылем. Он поднял его со стула и вывел из помещения, громко объявив на выходе: «Следующий!»

– Эдуард Павлович, отпустите ухо, больно! – заголосил подросток уже в кабинете, куда привел его этот бесцеремонный мужчина.

Мужчина, которому и без болтающегося в руках подростка было передвигаться непросто, запыхавшись, ответил:

– Больно, Тихон, это когда нога отморожена и тебе ее в медицинской палатке на морозе отпиливают, чтобы ты не окочурился. А ухо – это пустяки.

– Вам не удержать меня. Все равно сбегу на фронт немца бить! – юноша вскочил с табурета, на который был усажен, подбежал к двери, но не решился покинуть помещение. Слишком большим авторитетом для него обладал человек на одной ноге.

– Сбежит он. Слово-то какое нашел, – съязвил инвалид. – На фронт надо не сбегать, а осмысленно уходить. В 16 лет человек на это еще не способен. Уйдешь на фронт обязательно, но только когда 18 исполнится. А пока я здесь работаю, не видать тебе фронта. – Эдуард Павлович решительно стукнул костылем и внимательно посмотрел на парня.

Эдуард Павлович был соседом и другом семьи Тихона Маркина. Он был офицером запаса, участвовал в Советско-финляндской войне, где лишился ноги. С началом Великой Отечественной ветерана, имеющего опыт военной службы, но не годящегося к ней по инвалидности, пригласили работать в военкомат. Здесь ему не раз приходилось закрывать глаза на приписки возраста. Но отправить на фронт соседского мальчишку Тихона он категорически не соглашался.

– Почему другим можно, а мне – нет? – Тихон не оставлял надежды заставить соседа изменить свое решение. – Вон одноклассник мой, Вася, он даже младше меня. Вы же его возьмете? Да тут половина очереди себе годы накидывает, и вы об этом прекрасно знаете.

– А ты меня не стыди. Твоя мама уже лишилась мужа. Хочешь ее и без сына оставить? Матери твоего Васи мне в глаза не смотреть, когда его разорвет в клочья немецкой гранатой, а твоей матери смотреть до конца жизни, – одноногий говорил подчеркнуто спокойно, но в завершение прикрикнул: – А ну, домой!

– Вы поступаете не по-мужски! – выкрикнул Тихон.

– Хочешь разговора по-мужски, заходи вечером. – Эдуард Павлович повернулся к подростку спиной, давая таким образом понять, что больше им говорить не о чем.

Тихон, чье воображение всю ночь, проведенную в ожидании, строило картины предстоящих героических боев, теперь был в полной растерянности. Он сел на лавку в коридоре, где ждали своей очереди будущие красноармейцы, и стал безучастно наблюдать за происходящим. Действительно, среди ожидающих было немало ребят, о которых Тихон точно знал, что им нет восемнадцати. Эдуард Павлович тоже знал о возрасте многих кандидатов, но стране нужны были солдаты, и комиссариаты имели установку набирать как можно большее количество добровольцев. Враг все напирал и напирал. Чтобы сдержать его на подступах к Мурманску, город изыскивал все возможные резервы.

Раз в несколько минут в дверях появлялся одноногий и произносил одну и ту же фразу: «Ну, кто еще желает поскорее отправиться на тот свет?» Он специально при желающих записаться в Красную армию называл фронт «тем светом», при этом наблюдая за реакцией молодежи. Делал он это от отчаяния. Ведь он, калека, должен был протирать штаны в военкомате, а эти юнцы отправлялись на фронт, куда рвалась и его душа. Еще одним резонансом страдать юношей был расчет на то, что кто-то, идущий на фронт за романтикой, задумается: а надо ли ему так спешить на тот свет? Досада Тихона многократно возросла, когда через полчаса его одноклассник Вася, обойдя несколько кабинетов, заявил, что его приняли и что завтра ему предписано явиться на сборный пункт с вещами. Тихон в расстроенных чувствах побрел домой.

Семья Маркиных, состоявшая теперь лишь из матери и сына, жила в комнате большой коммунальной квартиры неподалеку от порта. Отец, как и многие другие мужчины в Мурманске, был рыбаком. Тихону было десять лет, когда он погиб в море, после чего мама вышла замуж за другого мужчину. Отчим Тихона тоже был рыбаком и принял его с сестрой, как родных детей. С началом войны отчима забрали на фронт. Известно было только, что он воюет где-то под Ленинградом, но вот уже полгода от него не было никаких вестей. Младшую сестру Тихона, как и большинство мурманских детей, вывезли в эвакуацию, и теперь они с мамой остались вдвоем. Юноша прилежно учился в школе, налегая на точные науки, и занимался в секции беговых лыж. Он был физически крепким и много времени проводил на свежем воздухе. Семья Маркиных была религиозной, насколько это было возможно в советском Мурманске. Религиозные обряды совершать было нельзя, но Тихону и его младшей сестре мама Евдокия Семеновна привила самое главное – искреннюю веру в Бога.

Мама работала в хозяйственном отделе гидрометслужбы Северного флота и получала пайку хлеба как вольнонаемный сотрудник. Тихону после окончания школы полагалась лишь пайка иждивенца. Еды в семье не хватало. Видя, как маме тяжело, сын помогал ей, осенью собирал грибы, а летом пытался ловить рыбу. Спасало то, что моряки в порту помнили отца Тихона и знали его отчима, так что иногда семье перепадала рыба и от них. Мама не раз подмечала, что Тихон характером был очень похож на своего отца в юные годы. То же упрямство и тот же юношеский максимализм, не желавший мириться с полумерами. Она знала о настроениях сына и очень переживала, что он, такой юный, может попасть на фронт.

Вернувшись домой, весь остаток дня Тихон негодовал. Он не мог поделиться переживаниями с мамой, от которой скрывал свои замыслы уйти на фронт, поэтому нервно расхаживал по комнате.

– Да кто он такой? Как он смеет? – рассуждал юноша вслух. – Когда, наконец, все уже поймут, что я взрослый?

Тихон расхаживал по комнате, пока не остановился перед зеркалом. Массивное зеркало в красивой раме разбилось еще при первых бомбардировках, и теперь юноша пользовался одним из его наибольших осколков. В отражении перед ним предстал рослый симпатичный парень с широкими плечами, крепкими руками и детским лицом. В 16 лет он был крупнее многих взрослых мужчин. Но вот слегка оттопыренные уши и большие добрые глаза, доставшиеся ему

по наследству от отца, не оставляли ему шансов сойти за взрослого, предательски выдавая большого ребенка. Еще меньше желанному образу взрослого способствовали коротко стриженные волосы.

Вечером он пришел к соседу на мужской разговор. Судя по нахмуренным бровям, он собирался высказать своему обидчику все. Сосредоточенный взгляд говорил о том, что это «все» тщательно обдумывалось целый день и было не раз отрепетировано, вплоть до конкретных фраз и формулировок.

– Ну, входи, входи, я тебя ждал. – Эдуард Павлович посторонился, давая Тихону пройти, и жестом показал в сторону кухни, приглашая туда. На кухне сосед достал из шкафа графин с водкой, налил себе и гостю по рюмке. Брови юноши, до этого момента имевшие характерный изгиб негодования, теперь показывали скорее его удивление. До сих пор Тихону ни разу не приходилось пить водку. Он был так удивлен действиями соседа, что все заготовленные мысли как-то вылетели из головы.

– Эдуард Павлович, я не буду водку, – растерянно возразил гость. – Я ни разу ее не пробовал, и вообще, выпивать нехорошо. Мама очень расстроится, если я выпью, а мне не хотелось бы ее расстраивать.

– Вот, значит, как! – хозяин грубо оборвал лепетание гостя. – Если выпьешь, мама расстроится? А если в 16 лет запишешься добровольцем и раскидаешь свои кишки с мозгами по берегам реки Западной Лицы, то мама обрадуется?

Тихона как по голове ударили. А ведь верно! Крыть такое нечем. Сосед добавил:

– Ты уж определись, сынок, маленький ты или взрослый.

После этих слов вчерашняя обида на соседа и желание доказать, что он уже не маленький ребенок, вновь вихрем поднялись в душе Тихона. Он схватил со стола стакан и разом опрокинул его содержимое в себя. С непривычки он сморщился, но изо всех сил постарался скрыть от собеседника, что вкус водки показался ему омерзительным. Теперь-то уж у Эдуарда Павловича не должно остаться никаких сомнений по поводу его взрослости! Впрочем, как оказалось, умудренного опытом офицера эта бравада ни в чем не убедила. Он отлично понимал, что, как бы Тихон ни старался казаться взрослее, он все еще оставался ребенком со свойственным его возрасту набором романтических представлений, заблуждений и комплексов.

– Понимаете, Эдуард Павлович, я пользу хочу приносить, а вы меня за ухо при всех, – отдышавшись после водки, Тихон решил все-таки высказать соседу, что он думал.

– Приноси пользу, приноси! Только зачем же сразу умирать? Пользы больше принесешь, коли будешь жив. Я обещал мужской разговор, поэтому буду с тобой как с мужчиной – начистоту. – Эдуард Павлович тяжело опустился на табурет. – Пока я работаю в военкомате, тебе не приписать себе возраст. Я этого не допущу. Однако мы можем заключить с тобой джентльменское соглашение.

Одноногий сосед со свойственным ему прищуром посмотрел на Тихона, чей цвет лица от выпитой водки стал меняться от розового к красному. Он пытался разглядеть, сработала ли его уловка, интересно ли парню джентльменское соглашение. И опыт сотрудника военкомата не подвел – парню польстило, что его считают достаточно взрослым для заключения соглашений, да еще и джентльменских: слово-то какое, как из приключенческих романов. Тихон даже подался вперед, чтобы не пропустить ни одного слова.

Выдержав театральную паузу, Эдуард Павлович продолжил:

– При управлении гидрометеорологической службы Северного флота в Мурманске открывают курсы наблюдателей. Там нужны толковые ребята. У тебя ведь в школе хорошо было и с математикой, и с физикой? Если поступишь на эти полугодовые курсы и успешно их закончишь, я клянусь, что лично призову тебя в Красную армию, сколько бы тебе лет ни было.

– Но зачем вам это? Какая разница, сейчас мне ехать воевать или через полгода? Все равно ведь запишусь добровольцем и поеду на фронт.

– Я уважаю твоё желание бить врага и даже завидую тебе немного. Я хочу, чтобы ты получил профессию и через полгода принял взрослое взвешенное решение. Я тебе обещаю, что соглашусь с твоим выбором, каким бы он ни был. Я даже запишу тебя в ту команду, которую ты выберешь.

Доводы соседа Тихона не убедили. Он злился на упрямого старика, как он называл его про себя, за то, что тот, из-за каких-то выдуманных обязательств перед его матерью, не позволил ему пойти на фронт. Юношу мучили зависть и немного стыд: как же так, его одноклассники совсем скоро будут бить врага, а он, как маменькин сынок, должен будет прятаться под маминой юбкой? Что про него скажут товарищи? Но делать было нечего: обмануть призывную комиссию ему не удастся, а курсы, которые ему предлагал сосед, были хоть каким-то шансом оказаться в действующей армии. Все равно это было лучше, чем отсиживаться дома и работать на «каком-нибудь заводе», как пренебрежительно выражался парень о работе своих сверстников в тылу.

Скрепя сердце Тихон согласился сдать вступительные экзамены. Эдуард Павлович был доволен: теперь ретивый парень, судьба которого ему была не безразлична, не только не уезжал на фронт на верную гибель, а даже шел учиться и получать профессию. Эдуард Павлович был доволен собой. Он сказал собеседнику, что выйдет на площадку покурить, а сам зашел к соседке и, рассказав ей о разговоре с Тихоном, попросил не ругать сына за выпитую водку.

Наступила зима, а вместе с ней и полярная ночь. Курсы наблюдателей располагались в центре города, так что ходить туда от порта было недалеко. Тихон с легкостью сдал вступительные экзамены и теперь ежедневно посещал занятия. Мама не могла нарадоваться на сына, который учился у ее коллег. В знак благодарности за мудрое решение она втайне от своего «студента» подарила соседу пол-литровую бутылку со спиртом. Не рад был только сам Тихон. На курсах оказались практически одни девчонки, и это очень его смущало. Многие его одноклассники, ребята, знакомые по двору или по занятиям лыжами, разными правдами и неправдами все-таки попали на фронт. На некоторых из них уже пришли похоронки. Друг, с которым по осени «штурмовали» двери военкомата, уже писал письма с борта торпедного катера. Многих мурманских старшеклассников и выпускников школ направляли на Новую Землю для заготовки гагачьего пуха, ловли рыбы и сбора яиц кайры. Некоторые сверстники, не сумевшие приписать себе возраст, работали юнгами на судах или изучали военное дело, осваивая какую-либо боевую специальность. Тихон же должен был ежедневно ходить на занятия вместе с девочками и парой мальчиков моложе себя возрастом. Учеба прерывалась только в случае объявления воздушной тревоги, когда, укрываясь от немецких бомб, все спускались в подвал.

Вместо того чтобы в решительной штыковой атаке бежать на врага, как Тихону мечталось, он слушал лекции об облаках, синоптических процессах и о подъеме частиц влаги в атмосфере. Это занятие казалось ему зазорным. Он воображал, что вся страна, изнемогающая от войны, смотрит на него с укоризной. Слабым утешением было то, что курсы были организованы при управлении гидрометслужбы Северного флота и что преподавали на них офицеры. Статус вольнонаемного персонала Северного флота, которым обладали все слушатели, был той тонкой соломинкой, за которую держалось юношеское самолюбие. Было у курсов и еще одно преимущество, которое Тихон просто не мог отрицать. До поступления он получал ежедневную пайку хлеба как иждивенец. Теперь же пайка вольнонаемного была в полтора раза больше, хотя ее все равно не хватало, чтобы наестся. После занятий Тихон шел домой, где ел свой хлеб, разрезая его на кусочки и макая в рыбий жир. Так было сытнее. Этой маленькой хитрости его научили девочки с курсов, которые жили вообще без родителей.

Поначалу амбициозный парень дистанцировался от своих товарищей по курсам. Всем своим видом он стремился показать, что он не такой, как остальные слушатели. «Для вас курсы – это путевка в спокойный тыл, а для меня – препятствие на пути на фронт», – заявил он однажды девочке Тае. Тая тоже была не промах. Лишившись обоих родителей, потеряв дом,

убежав от наступавшего на пятки немца и сменив несколько заведений для детей-сирот, она в свои юные годы уже имела собственное представление о фронте, полученное не из репродуктора или газеты. «Дурак ты, – буднично ответила девочка на высокопарные слова юноши, – курсы – это какое-никакое тепло, какая-никакая еда, это важная работа, это польза для Родины. А ты – дурак».

Метеорология как наука базируется на законах физики и описывается инструментами математики. И с тем, и с другим у Тихона было все в порядке, так что учеба давалась ему легко. Преподаватели, которые на самом деле были офицерами управления гидрометслужбы, а на курсах появлялись, только чтобы проводить занятия каждый по своему направлению, ценили Тихона за прилежание в учебе и за его способность воспринимать материал. А вот Тихон, напротив, относился к преподавателям с пренебрежением. Он не считал их за офицеров. По мнению юноши, человек в звании капитана должен был командовать ротой, батареей или кораблем, но никак не рассказывать девочкам о том, как же там все-таки частичка влаги поднимается в атмосфере при каком-нибудь сухоадиабатическом процессе.

Тихону было невдомек, что люди в форме с указкой и мелом, стоящие у доски, являются представителями особой касты. Все они гидрометеорологи, практически ученые в погонах, профессионалы своего дела. За плечами каждого из них годы напряженной учебы, стажировок и практик, годы работы в сфере гидрометеорологии. Эти люди обучены исследовать океан, изучать атмосферу, делать то, что простому смертному, кажется, и не под силу – предсказывать погоду. Каждый из представителей этой уникальной профессии является носителем большого количества знаний и практических навыков. К подготовке каждого Советское государство приложило значительные усилия, и бросить высококлассных специалистов этой редкой профессии в топку войны было для него непозволительной роскошью.

С началом войны и объявлением всеобщей мобилизации все органы гидрометеорологической службы были «переведены на военные рельсы». Гидрометеорологи стали использоваться Красной армией по прямому назначению, обеспечивая войска и флот всеми необходимыми сведениями об океане и атмосфере, составляя справки, описания, карты и прогнозы. Большинство представителей этой профессии продолжили свою довоенную деятельность в статусе вольнонаемного состава Красной армии, а многие были призваны на службу и надели военную форму.

Руководитель курсов гидрометнаблюдателей инженер-капитан Алексей Митрохин до войны был старшим инженером-синоптиком в Мурманском управлении гидрометслужбы. Несмотря на молодость, после выпуска из Московского гидрометеорологического института он был выдвинут в старшие специалисты. Благодаря глубоким знаниям он быстро завоевал в коллективе авторитет. Когда началась война, Митрохин писал во все инстанции рапорта с просьбой направить его на фронт, но постоянно получал отказ. В гидрометслужбе флота, куда он был призван в звании инженер-капитана, Митрохину разъяснили, что специалист с его уровнем знаний и опытом прогностической работы в Заполярье нужен здесь – в военной гидрометслужбе.

Митрохин даже записывался на прием к начальнику управления, но и там услышал те же слова: «Твой фронт здесь. Если отдел метеорологических прогнозов, который тебе доверили, будет успешно справляться со своими задачами, начальство в штабе флота сможет принять взвешенное и правильное решение. Это и будет твоя победа. Быть подрыванным на немецкой мине – дело почетное, но нехитрое. Больших знаний для этого не нужно. Твое оружие – в твоей голове. Вот и вой».

Митрохин все это понимал. Немало горя принесла заполярная погода морякам и в мирное время, а уж в войну цена точного прогноза многократно возросла. Важность своей службы, как и важность подготовки молодых гидрометнаблюдателей, для Митрохина была очевидна. Тихон же в силу юности был далек от таких мыслей.

– Немец, небось, не сидит сейчас за партой, – в который раз сокрушался парень. – Он оцетинился танками, пушками, самолетами. Нет чтобы все силы бросить на борьбу с врагом, чтобы раз и навсегда прогнать его с советской земли. Так у нас тут боеспособных людей за партами мучают никчемной учебой, а целые капитаны, вместо того чтобы вести солдат в бой, играют в бирюльки. У фашистов такого бардака нет, потому и дошли они до Москвы.

Юноша и не подозревал, насколько сильно он ошибался. Из всех держав, принимавших участие в мировой войне, именно Германия лучше всех готовилась к ней в гидрометеорологическом отношении. Все, что советские гидрометеорологи спешно организовывали на морях и суше в 1941 году, немецкими коллегами было продумано еще до начала боевых действий. В нужный момент они, надев военную форму, стали делать привычную работу при штабах разных уровней и воевали на территории противника не в качестве пушечного мяса, а командирами метеорологических взводов. Слишком горьки были уроки Первой мировой войны. Слишком очевидна после нее стала важность гидрометеорологического обеспечения сил флота.

* * *

– Как некстати эта война, – задумчиво произнес молодой бородатый мужчина.

– А разве бывают войны, сынок, которые случаются кстати? – ответил ему немолодой мужчина, чье лицо также украшала борода.

Двое ученых, один из которых был отцом, а другой сыном, сидели в глубоких креслах в кабинете и пили коньяк. Младший Бломберг жаловался старшему – профессору – на то, как все изменилось в худшую сторону с тех пор, как началась очередная мировая война.

– Первая Мировая тоже была некстати, – продолжил пожилой профессор. – Я тогда оказался в таком же подвешенном положении, как и ты сейчас. Но, следует отметить, Карл, что война – это далеко не всегда прекращение научных изысканий.

Мужчины соприкоснулись рюмками коньяка, не произнося тостов и не прерывая разговора.

– Порой война, наоборот, подстегивает ученых, дает их работе новый импульс. Не мне тебе рассказывать. Наша с тобой наука, гидрометеорология, совершила в Германии решительный рывок вперед именно благодаря Первой мировой с ее самолетами, кораблями и боевыми газами. Помяни мое слово. Свернув нашу научную работу ради экономии, государство еще обратится к нам за помощью. Без погоды – никуда.

Сын возбужденно пытался парировать:

– Но, отец, Адольф же все ориентировал на обеспечение нужд фронта!

Однако его слова встретили подчеркнуто спокойную реакцию отца:

– А я и не возражаю. Ведь гидрометеорология – это и есть «нужды фронта». Куда им с их самолетами и кораблями без прогнозов погоды? А уж твоя аэрология – так это вообще неотъемлемая составляющая любых артиллерийских стрельб.

– Уж лучше бы я вел свою работу просто так, для углубления фундаментальных знаний об атмосфере. Неприятно, папа, от мысли, что твоя работа нужна для того, чтобы кого-то убивать, – сын поднялся из глубокого кресла и подошел к окну.

Ответ старшего Бломберга он слушал уже спиной.

– Ты идеалист.

– Я уважаю Германию и немецкий народ. Но идея Гитлера о превосходстве немцев над другими... Ясно, почему чернь подхватила эту мысль. Приятно считать себя лучшим и избранным априори. Я не понимаю, как в рядах национал-социалистов оказались мыслящие люди? Почему интеллигенция поддержала Гитлера?

Профессор был безмятежен и все своим видом показывал, как буднично и очевидно для него то, что говорит сын. Он, видный ученый, был горд своим отпрыском, делавшим в науке

первые шаги, и наслаждался общением с ним. Отцу доставлял большое удовольствие интеллектуальный разговор о высоких материях, ему нравилось следить за ходом мыслей сына, закидывать в беседу все новые темы и аргументы, наблюдая, какие доводы будет приводить сын. Одобрительные покачивания седой головы отца, сопровождавшие реплики сына, как бы говорили ему: «Молодец, сынок, правильно рассуждаешь».

– Глупые искренне верят. А умные боятся. Да и не забывай Первой мировой. Унижение, которое немцы испытали, распространялось и на плебеев, и на богему. Всем хотелось реванша, всем хотелось, чтобы великая страна воспрянула духом, встала с колен. Гитлер именно это и предложил. – Профессор поставил бокал на столик и посмотрел сыну в глаза. – Карл, я воспитал тебя человеком со своей головой на плечах. Приди к ответам на эти вопросы сам. И, прошу, не обсуждай эту тему ни с кем более, кроме меня, и нигде, более, кроме моего рабочего кабинета.

Карл Бломберг вырос в семье образованных людей. Его отец Херберт Бломберг, датчанин по национальности, был профессором Берлинского университета, где заведовал кафедрой геофизики. Мать Карла Эльза была представительницей старого немецкого дворянского рода. Ради троих детей она пожертвовала научной карьерой и стала домохозяйкой. Она ревностно относилась к воспитанию своего потомства и сумела вырастить сына и двух дочерей в лучших немецких традициях. В детстве Карл много читал, увлекался рисованием и играл на фортепиано, изучал английский и французский языки. Наряду с мировой художественной культурой, мальчик был неплохо знаком и с русским культурным наследием. Все эти знания и умения Эльза считала неотъемлемыми спутниками образованного и разностороннего человека. Таким Карл и рос. В подростковом возрасте он стал увлекаться точными науками и по окончании школы без труда поступил в Берлинский университет.

Студент Бломберг полностью оправдал доверие своего отца. Став лучшим выпускником факультета, он сразу принялся писать диссертацию, которую через несколько лет блестяще защитил. Сферой научных интересов Карла была аэрология. Этот молодой раздел физики атмосферы специализировался на исследовании ее верхних слоев. Карл был горд своей принадлежностью к передовой метеорологической державе, однако с большим уважением относился и к советской метеорологической школе. Одним из его кумиров был профессор Павел Молчанов, который в 1930 году изобрел радиозонд, а в 1931 произвел первые в истории аэрологические наблюдения в Арктике. Карл был хорошо знаком с его трудами и гордился тем, что одна из его научных статей попала на рецензию ведущему советскому аэрологу.

Карл был из тех молодых ученых, которые с головой уходят в предмет исследования, посвящая ему всего себя. Жить с таким человеком очень непросто. Эльза Бломберг в свое время нашла в себе силы делить любимого мужа Херберта с наукой. Жена Карла Мария такого испытания не выдержала. Подъем частиц влаги в атмосфере настолько увлек ученого, что несколько лет он почти безвылазно провел на аэрологической станции близ Берлина, запуская в воздух метеорологические зонды и ставя различные эксперименты. Добавил масла в огонь и воинствующий атеизм гидрометеоролога, который религиозная Мария так и не смогла принять. Распад семьи не повлиял на работу Карла. Собранные молодым ученым обширные сведения теперь должны были лечь в основу фундаментального научного труда, но война нарушила его планы.

В первые годы Второй мировой войны Берлин жил нормальной, насколько это было возможно, жизнью. Конечно, были военные патрули, светомаскировка, воздушные тревоги и бомбоубежища. Были, однако, и товары в магазинах, и киносеансы, и вечера танцев – в общем, все атрибуты мирной жизни. Работал и Берлинский университет, где, как и до войны, студенты сидели в аудиториях, а преподаватели стояли за кафедрами. Однако положение дел в науке существенным образом изменилось. Многие из сотрудников аэрологической станции, где вел исследования Карл Бломберг, были призваны в армию и зондировали атмосферу, обеспечивая

баллистическими данными немецкую артиллерию на фронте. Значительная часть оборудования научной станции также была направлена в войска. Карл не раз жаловался на это своему отцу.

Единственным преимуществом, вызванным войной, по мнению Карла, было то, что соотношение между мужчинами и женщинами в Берлине изменилось в пользу первых. Молодой ученый не верил ни в Бога, ни в институт семьи и брака, но к прекрасному полу испытывал нежные чувства. Деля людей на самцов и самок, он отдавал себе отчет в том, что влечет одних к другим. С наслаждением отдавался этому влечению, пока самки не пересекали известную черту. Пока женщина довольствовалась эпизодическими встречами, не претендуя ни на что большее, Карл флиртовал, встречался, обольщал и даже чувствовал себя влюбленным. Как только связь с женщиной хоть на секунду, по его мнению, становилась угрозой для науки, отношения незамедлительно прекращались. Размышляя об очередном прекращенном таким образом романе, ученый удивлялся тому, как это он вообще прожил несколько лет в состоянии брака. А главное – зачем? Тем более теперь, когда война забрала из его окружения некоторых самцов-конкурентов и поместила в это окружение ряд примечательных самок. Хоть какая-то польза от этой войны.

Научным наставником Карла был доктор наук, профессор Эрик Йонг. Он заметил перспективного студента еще в середине 30-х годов и с тех пор руководил его работой. Профессор не был диктатором, в работе с учениками он предпочитал предоставлять им максимальную свободу действий, и такая политика приносила свои плоды. Под его руководством выросла целая плеяда талантливых ученых, значительно продвинувших немецкую метеорологическую школу вперед. Карл ценил и уважал своего наставника, слово которого было для него законом.

С началом войны Йонг как офицер запаса, принимавший участие еще в Первой мировой, был призван на военную службу. Ученый европейского уровня, основатель и руководитель научной школы, он сразу был назначен на высокую должность заместителя начальника гидрометеорологической службы Кригсмарине с присвоением воинского звания капитан 2-го ранга. С тех пор он больше не мог уделять внимания ученикам. Без научного руководителя, а главное – без лабораторной базы, исследовательская работа Карла Бломберга, по его собственному выражению, «завяла». Более года молодой ученый пытался остаться на плаву, но все его усилия были тщетными. Публиковаться было почти нигде, работать было почти не с кем и почти не над чем. Что толку от обилия самок, когда из всех его довоенных занятий осталось лишь преподавание? Самого Карла не призывали в армию: являясь преподавателем университета, он был защищен от призыва.

С 1941 года Берлин стал подвергаться регулярным бомбардировкам самолетами английских и американских военно-воздушных сил. Пригороды и окраины города от них почти не страдали. Бомбы сбрасывались в основном на центральную часть города, где располагалась и кафедра геофизики. Карл был убежден, что под гул вражеских самолетов, перемещаясь со своими студентами из аудиторий в бомбоубежище, никого ничему научить невозможно. Он оставил преподавание, переехал в особняк своей семьи за городом и впал в глубокую депрессию. Тем приятнее было услышать в телефонной трубке знакомый голос профессора Йонга.

– Как там мое юное дарование? – Йонг называл всех, кто младше его пусть даже на год, юными дарованиями.

– Спасибо, герр профессор. Я впал в творческую спячку и счастливо в ней пребываю.

– А как же та рыжая? Ты разве на ней не женился? – спросил профессор, наперед зная ответ собеседника и от этого громко расхохотавшись в трубку.

– Герр профессор, после рыжей была и черная, и белая, а сейчас только зеленая... тоска. – Оба рассмеялись.

Прекратив смеяться и перейдя на серьезный тон, Йонг сказал:

– Карл, берите свою зеленую тоску и привозите завтра в Берлин. Встретимся в здании верховного командования Кригсмарине.

Подробности профессор обещал сообщить при встрече. Он принял ученика в своем кабинете. Стены кабинета были украшены картами районов Мирового океана, в которых моряки Германии сражались с русскими, англичанами и американцами. Учитель со своим учеником обнялись и попытались вспомнить, сколько же они не виделись, живя и работая в одном городе. Йонг был рад видеть Карла, усадил его за стол, велел секретарю приготовить две чашки кофе.

– Карл, я же вижу, что ты маешься без дела, – после радостной встречи профессор перешел на серьезный тон. – Скажу тебе по секрету, положение на Восточном фронте не лучшее. Для всех очевидно, что блицкриг не состоялся, и мы увязли в России. Офицеров не хватает, в том числе и представителей нашей специальности. Сейчас рассматривается вопрос об отмене некоторых видов брони. Думаю, скоро ты будешь призван на военную службу. Поедешь, мой друг, в Белоруссию кормить комаров и на радость партизанам командовать метеорологическим взводом.

То, о чем говорил профессор, не было новостью для молодого ученого. Он прекрасно понимал, что раз другие самцы-конкуренты исчезли по причине этой войны, то настанет и его черед. Вопрос лишь в качестве самцов – сначала бестолковые, потом посмышлёней, а продлись война еще несколько лет, и гении отправятся в окопы. И с чего бы этому универсальному правилу делать исключение ради него? И все же молодой ученый гнал от себя эти мысли, отмахивался от них, как от назойливой мухи. А теперь они неумолимо звучали из уст уважаемого Карлом человека, который, описав очевидную картину развития событий, перешел к пресловутому «но».

– Но, Карл, разве я могу это допустить? Ты – один из лучших моих учеников, и у меня для тебя есть работа. Германии нужны твои мозги, а не командный голос. Есть возможность собрать уникальный материал и продолжить исследования. Ты как?

На другой ответ, кроме положительного, профессор и не рассчитывал. Карл согласился на предложение учителя, тем более что и выбора особого не было. Молодой ученый с большим интересом выслушал подробности замысла. Флот и авиация Германии в Арктике испытывали острую потребность в метеорологической информации. Часто случалось так, что при равном соотношении сил именно та сторона, которая имела более точную информацию о метеорологической обстановке на театре военных действий или грамотнее использовала в своих интересах факторы погоды, в итоге одерживала победу. Отлично понимая цену каждого донесения о погоде в Арктике, военные гидрометеорологи Германии изыскивали любую возможность, чтобы организовать на маршрутах движения полярных конвоев регулярные наблюдения.

Немцы применяли в полярных морях метеорологические траулеры, которые, находясь в определенных районах, месяцами передавали сведения о погоде. Однако этот способ себя плохо зарекомендовал: работа траулеров была не из дешевых, они гибли в штормах и уничтожались противником. Руководство Кригсмарине возлагало большие надежды на автоматические станции, разворачиваемые на удаленных островах или якорных позициях в море. Но и это техническое решение себя не оправдало. Метеоавтоматы расстреливались вражескими кораблями, разбивались штормами, не выдерживали любопытства белых медведей. Отчаявшись, немецкое морское командование даже направляло в наиболее важные пункты Арктики подводные лодки, в чьи задачи входило наблюдать погоду и передавать результаты наблюдений в Нарвик. Боевым лодкам, направленным в метеорологические рейсы, категорически запрещалось атаковать врага и обнаруживать себя. Их использование было крайней мерой, на которую, тем не менее, периодически приходилось идти. Для разведывания метеорологической обстановки над полярными морями немцы даже содержали две эскадрильи специальных самолетов

на аэродромах Северной Норвегии. Однако ни одна из этих мер не могла обеспечить непрерывного потока метеорологической информации из жизненно важных пунктов Арктики.

Ведущие представители немецкой метеорологической науки были подключены к поиску выхода из сложившейся ситуации. Озабочился вопросом и профессор Йонг. На одном из совещаний в верховном командовании Кригсмарине он предложил организовать в наиболее важных пунктах Арктики метеорологические станции, обслуживаемые одним или двумя специалистами. Многие старшие офицеры верховного командования тогда скептически отнеслись к этой затее. Сможет ли один специалист в обстановке полной секретности несколько месяцев работать под боком у русских? Где найти человека, способного качественно наблюдать погоду, грамотно эксплуатировать радиоаппаратуру, соблюдать все меры для сохранения скрытности своей работы, в случае необходимости с оружием в руках защитить свою станцию либо успеть ее уничтожить и при этом еще и не сойти с ума.

Профессор Йонг заверил, что у него на примете есть такие люди. Он настоял на своем, публично заявив, что готов ручаться за успех предприятия. Решено было организовать экспериментальную станцию и оценить по успеху ее работы перспективность этого направления. На карту была поставлена репутация профессора и как военного, и как ученого. По этой причине в пробный рейс был направлен не простой инженер или техник, а преподаватель университета, один из лучших учеников школы Йонга.

Лейтенант Герман Шульце, высаженный подводной лодкой на Новую Землю, успешно поставлял в немецкий штаб в Нарвике бесценную метеорологическую информацию прямо из-под носа Советов. Это был не метеорологический автомат. Это был ученый-гидрометеоролог, призванный на военную службу. Он разрабатывал методики прогнозирования погоды и был одним из крупных специалистов Германии в этой области. Знания этого человека могли быть с большей пользой использованы в гидрометцентре Кригсмарине, но Йонг настоял на призыве Шульце в армию. Ему присвоили лейтенантское звание и отправили в Арктику с единственной целью – наблюдать и передавать в эфир погоду. Шульце оправдал доверие учителя и начальника. В течение полугода он вел наблюдения и с немецкой педантичностью передавал сведения о погоде в Нарвик. Руководствуясь инструкциями, Шульце сообщал, в том числе, и об обнаруженных кораблях, дымах на горизонте и самолетах. Через шесть месяцев он был снят с точки подводной лодкой и успешно возвратился через Нарвик в Берлин.

В генеральном штабе с интересом выслушали доклад капитана 2-го ранга Йонга и лейтенанта Шульце об итогах работы. Обоих офицеров представили к наградам. Успех эксперимента Йонга и Шульце, на фоне провала плана внедрения метеорологических автоматов и дороговизны использования в метеорологических целях подводных лодок, вынудил руководство флота дать проекту зеленый свет. Высокое руководство даже приказало командованию Люфтваффе перенимать передовой опыт моряков. Йонгу было поручено подготовить план заброски новых диверсантов, представить предложения по кандидатурам и географическим пунктам. Особое внимание предлагалось уделить районам, через которые движутся союзные конвои, где цена сведений о погоде была особенно высока. Своим приказом Гитлер предписывал во что бы то ни стало нарушить поставки союзнических грузов в СССР через моря Северного Ледовитого океана. До сих пор, несмотря на некоторые частные успехи, сделать это не удавалось.

Дальнейшим развитием плана Йонга, как по аналогии с планом Шлиффена или планом «Барбаросса» называл свое детище профессор, было создание метеорологической станции на острове Медвежий. Остров является северной створкой относительно узких морских ворот, через которые в обоих направлениях ходили союзнические конвои. Так как идея изначально принадлежала Йонгу, он был назначен руководителем проекта и был волен выбрать любого человека для выполнения сложной и ответственной задачи. Снова рискованное предприятие было связано с его именем и репутацией, а значит, на остров должен был отправиться только

проверенный человек, которому профессор мог доверять, как себе. Поэтому он и позвонил своему ученику Карлу Бломбергу.

Карл был чрезвычайно рад предложению профессора. Он был образованным человеком, жизнелюбом с ярко выраженными пацифистскими взглядами. Свое мнение Карл старался держать при себе, так как высказывать подобные настроения в воюющей с половиной планеты нацистской Германии было небезопасно. Но он совсем не хотел воевать, и возможность переждать бурю войны на острове, занимаясь своим любимым и полезным для страны делом, была ему симпатична. Кроме того, даже если бы он и не хотел ехать, он все равно не смог бы отказать любимому учителю. А он очень хотел, ведь за год наблюдений в Арктике можно было собрать уникальный материал. Он понимал, что война рано или поздно закончится, кто бы ни победил, жизнь продолжится, и ученые смогут вернуться к своему привычному занятию. Располагать к этому счастливому моменту материалом для написания серьезной научной работы Карлу казалось совсем не лишним.

Через месяц после беседы с Йонгом Карл сидел в кафе через дорогу от здания верховного командования флота в форме лейтенанта Кригсмарине, пил кофе и сиял от счастья. Ему, сугубо гражданскому человеку, льстило назначение на должность офицера аэрологического отдела гидрометслужбы. Несмотря на свои пацифистские взгляды, он наслаждался мыслью, что теперь он офицер, а на плечах – погоны лейтенанта. Еще бы! Интеллигентные ученые девочкам, конечно, нравятся. Но brave военные, пусть даже ставшие таковыми буквально вчера, им нравятся еще больше. Карл уже успел в этом убедиться. Едва он появился в обсерваторию в военной форме, как был обласкан многообещающими взглядами самок. «Все-таки есть какое-то очарование в статусе самца, уезжающего на войну», – подумалось Карлу. Так подумалось не ему одному. Молодой аэролог Марта, самая красивая и неприступная из девушек, работавших в обсерватории, предложила Карлу сходить в театр. Как мало нужно женщине! К каким только ухищрениям не прибегал Карл, чтобы затащить эту красотку в постель, но все его попытки лишь подстегивали ее упорство. И вот она уже сама что-то предлагает, ищет общения. Военная форма творит чудеса. Однако главным чудом, которое сотворили офицерские погоны с молодым ученым, стало прекращение его затянувшейся депрессии. Ее как волной смыло. Теперь он снова был при деле и работал в одной команде с выдающимся ученым.

Бломберг приступил к сборам. Он был предупрежден, что на остров его доставят на подводной лодке, поэтому он должен был взять минимальное количество личных вещей. Несмотря на жесткие ограничения, Карл, который очень любил читать, взял с собой некоторые любимые книги. Готовясь к зимовке на острове, он проводил много времени в технической библиотеке гидрометеорологической обсерватории Германии. Он изучал особенности гидрометеорологического режима полярных морей, подробно рассмотрел их географию и специфику, связанную с дрейфом льдов. Особенно его привлекал район острова Медвежий, на котором ему предстояло зимовать. Карл просмотрел материалы работы экспедиций немецких ученых в Баренцевом и Норвежском морях. Некоторые из таких экспедиций, имевших место еще до войны, были совместными советско-германскими. В руки ученого попали толстые тома отчетов экспедиции немецкого полярника Ганса Дулькейта, чья группа в начале века подробно изучила остров. Карл не мог не отметить, что имена, данные Дулькейтом на правах первооткрывателя разным географическим объектам острова, отличались необычной красотой и даже какой-то мелодичностью.

Бломберг работал день и ночь. Сроки поджимали. Несмотря на это, он находил возможность, чтобы отвечать взаимностью на активность Марты. Дважды офицер со своей новой пассией посетил театр. Вечерами, когда Карл форсированными темпами готовился к предстоящей командировке, штудирова самые необходимые материалы, он все же общался с Мартой по телефону. Он ловил себя на мысли, что такое поведение ему не свойственно. Обычно первое же посягательство дамы на личную свободу или возможность заниматься наукой вело к

обрыванию всех контактов с пассивей. На этот раз Карл терпеливо ухаживал. Пару раз он ловил себя на мысли, что испытывает к Марте что-то большее, чем просто физическое влечение. Но холодный ум ученого каждый раз находил простое и логичное оправдание. Самочка-то исключительная, вот и методы должны быть исключительными.

Готовясь к отправке на остров, лейтенант купил фотоаппарат и взял в одном из берлинских фотосалонов несколько платных уроков по фотосъемке и обращению с пленками. По совету Йонга Карл решил встретиться с Шульце, который только что вышел на службу после двухмесячного отпуска и все еще принимал поздравления с награждением Железным крестом и присвоением очередного звания. Больше всего сам Герман Шульце радовался тому, что вообще вернулся на родину живым. Он подошел к вопросу основательно и не стал разговаривать с коллегой и другом на бегу. Офицеры договорились встретиться вечером в небольшом уютном ресторанчике на окраине Берлина.

– Привет, дружище! – воскликнул Герман, протянув руку для рукопожатия. – Сколько мы с тобой уже не виделись?

– Больше восьми месяцев, – ответил Карл, пожав руку старого знакомого.

Друзья не общались уже очень давно, и им хотелось о многом поговорить, тем не менее первым делом решили обсудить рабочие вопросы, а потом уж, как водится, поговорить по душам. Когда официант принес бутылку коньяка и фрукты, Герман запер кабинку изнутри на ключ и попросил Карла приготовить блокнот и карандаш для записей. Более 40 минут он рассказывал другу то, о чем умолчал на совещании в верховном командовании. Такие беседы принято называть «без купюр». Шульце поведал о своих многочисленных ошибках и о просчетах командования, сетовал на твердолобость некоторых начальников, с которыми пришлось столкнуться по пути «туда» и вернувшись «обратно».

– Знаешь, друг, – резюмировал Карл, – из всего услышанного я понял только то, что твое успешное возвращение – это не что иное, как удивительная череда счастливых случайностей.

Герман и сам не понимал, каким образом ему удалось полгода проработать под носом у русских, живя в избе, наблюдаемой с суши, с моря и с неба и выходя в эфир дважды в сутки в одно и то же время. Он рассказал, как несколько раз бывал очень близок к провалу, но все заканчивалось благополучно. Карл слушал, затаив дыхание.

– Знаешь, – сказал в конце монолога Шульце, потеряв свой Железный крест, – моя жизнь и вот этот орден являются заслугой Божьего промысла и непробиваемой русской безалаберности, но никак не организаторского гения чинов из верховного командования и лично Йонга.

Он добавил:

– Люди, которые сменили меня там, в Деревянной бухте на Новой Земле, непременно погибнут. Может быть, ты узнаешь об этом еще до своего отъезда. Так не должно быть. Русские – разгильдяи, но не идиоты. Мне повезло по причинам, известным одному Богу. Это вовсе не значит, что повезет кому-то еще.

Карл по ходу беседы сделал немало пометок в блокноте. Многие советы Шульце были очень ценными, особенно те, что касались маскировки жилища и метеорологической площадки. После он задал бывалому зимовщику ряд вопросов, и друзья перешли к общению на личные темы, не вспоминая более в этот вечер о службе. Оба перебрали коньяка и глубоко за полночь разъехались на такси по домам.

Желая как можно лучше подготовить Карла к выполнению предстоящего задания, профессор Йонг устроил ему еще одну встречу. В назначенный день лейтенант на своем авто приехал к небольшому дачному домику, расположенному на приличном удалении от Берлина. Здесь абсолютным затворником жил пожилой больной человек по фамилии Брейтфус. Снаружи домик выглядел опрятно, внутри же царил полный хаос. Вдоль всех стен были набиты стеллажи из грубо отесанных досок. Посреди единственной комнаты домика стояли два стола. И столы, и стеллажи были заполнены книгами, папками, картами, тетрадями... Скромному

быту хозяина в этом домике служили лишь диван и небольшой кухонный уголок. Все остальное – работе.

– Уж извините, гер лейтенант, что так неорганизованно вас принимаю, – с порога стал извиняться старик, – я, признаться, несколько выпал из жизни.

Карл вошел в помещение через низкую дверь и стал с любопытством разглядывать творческий беспорядок: «Зачем Йонг прислал меня сюда? Чем этот безумный дед может мне помочь?»

Брейтфус усадил гостя на диван, сварил ему кофе, ежеминутно извиняясь за беспорядок. Лишь закончив хлопотать на кухне, старик уселся на пачки с документами и стал обстоятельно рассказывать Карлу о себе. Оказалось, что собеседник лейтенанта – человек непростой судьбы. Будучи этническим немцем, еще в прошлом веке он поступил на службу в российский флот, где долгие годы был начальником гидрометеорологической части в Главном гидрографическом управлении.

– Это сегодня я дряхлый старик, а когда-то я заведовал всей гидрометслужбой царского флота, – пояснил Брейтфус. – Да что там заведовал? По сути, мы ее создавали, когда с началом Великой войны поняли, что она не отвечает никаким требованиям.

«Так вот откуда мне знакома эта фамилия!!! – догадался Карл. – Ну конечно! Конечно, я слышал о заведующем гидрометеорологической частью русского флота!»

Брейтфус продолжал:

– Я наслышан о вас, Карл. Знаком и с вашим учителем, и с вашим отцом. И с вашим кумиром – профессором Молчановым – знаком.

Карл был изумлен. Человек, на которого он в толпе прохожих и внимания не обратил бы, открывался перед ним все новыми и новыми гранями.

– А Молчанова откуда знаете? – спросил он, чуть не открыв рот от удивления.

– Нужен был мне толковый парень на Балтике, чтоб возглавить метеорологическое дело в морской авиации в Первую мировую. Вот я на него внимание и обратил. Призвали его, чуть не из студентов, на службу. Так он и попал в большую науку. Горжусь им! – сказал Брейтфус, отхлебывая кофе из изящной чашки.

Карл был превосходно знаком с работами Молчанова и хотел было расспросить собеседника об этом ученом – по сути, основоположнике аэрологии. Однако задал вопрос о другом – спросил, как же сам Брейтфус оказался в Германии. Старик рассказал, что с наступлением революции и приходом к власти красных он имел возможность сохранить свою должность, но покинул страну. Под видом служебной командировки он выехал, пока можно было, в Швецию, а оттуда перебрался в Германию.

– Знаете, Карл, не раз я размышлял о своем выборе. Может, надо было остаться. Ведь в 30-е годы мы с советскими учеными предприняли столько арктических экспедиций. Однако недавно Советы поставили жирную точку в моих колебаниях.

– Каким же образом? – уточнил Карл.

– Молодой человек, вы, вероятно, не знаете, как они обошлись с Молчановым, – Брейтфус задумчиво посмотрел в свою чашку, затем в чашку гостя. Обнаружив, что кофе выпит, он на самом интересном месте прервал свой рассказ и потянулся к кружке Карла, чтоб ее наполнить.

– Герр Брейтфус, не томите, – процедил возбужденный Карл, выхватывая из его рук кружку.

– Профессор Молчанов... Павел был обвинен в участии в каком-то заговоре и посажен в тюрьму. А с началом войны с СССР – расстрелян. – Брейтфус замолчал и, борясь с чувствами, охватившими его, смог продолжить разговор лишь минуту спустя: – Если Советы так поступили с русским человеком, который сконструировал для них аэрологический зонд, провел первые в истории человечества аэрологические наблюдения в Арктике, написал фундаментальные

труды и основал научную школу... то как бы они поступили с немцем, полжизни прослужившим в царском флоте?

Вопрос был риторическим. Помолчав пару минут, Карл вынырнул из своих мыслей, наконец-то передал чашку Брейтфусу и уточнил:

– Но ведь не за этими новостями меня к вам послал Йонг.

За кофе Брейтфус рассказал Карлу о том, что в Германии, на волне укрепления советско-германской дружбы и научного сотрудничества, он занялся координацией усилий двух стран по изучению Арктики. Плечом к плечу полярники двух стран изучали небо, воды и льды полярной шапки планеты. Когда же здоровье стало подводить, Брейтфус уединился в небольшом загородном домике и стал обобщать для будущих поколений опыт полярных экспедиций.

– Посмотрите вокруг, Карл, на этих стеллажах – сведения о сотнях экспедиций. В этих бумагах – ценнейшие сведения. Я хочу свести все это в единый труд. Чувствую... Нет, знаю, что не успею. И тем не менее. Пока жив, хочу успеть как можно больше.

Карл понял, почему наставник свел его с Брейтфусом. На всем свете не было человека, знавшего о полярных экспедициях больше него, и эти сведения имели для Карла жизненную важность. Молодой и старый ученый разговаривали до утра. Брейтфус то и дело доставал с полки нужную папку, чтобы прочесть гостю уместную строку или подкрепить свое высказывание фотографией. Карл покинул загородный домик старика Брейтфуса со смешанными чувствами. С одной стороны, в беседах с Шульце и Брейтфусом он получил бесценные сведения. Обладая такими знаниями, он избежит множества ошибок, не наступит на грабли, на которые до него уже наступили, использует оставшееся время самым правильным образом. С другой стороны, чем больше он узнавал о предстоящей зимовке в Арктике, тем больше волновался: справится ли?

В один из последних дней на немецкой земле Карл пригласил Марту на романтический ужин. То, что последний перед отъездом в длительную командировку ужин проходил не в ресторане, а на квартире у молодого офицера, предполагало, что он должен завершиться сексом. Принимая приглашение на вечер в таком формате, женщина как бы подтверждает свою готовность к такому развитию событий. Если нет, стоит вежливо отказаться. Все ведь взрослые. Карл прекрасно знал, как работают эти простые правила жизни. Не одна красотка, придя в эти стены на романтический ужин, оставалась до утра. Марта не отказалась от приглашения и, по мнению Карла, сама того не ведая, была уже практически в его постели. Хозяин холостяцкой квартиры, не искушенный в приготовлении блюд, заказал их в ближайшем ресторане. Дома ему оставалось лишь прибраться, сервировать стол, разогреть блюда и открыть вино. По просьбе гостыи мужчина надел военную форму. Марта пришла на ужин в красивом платье. Нижний край платья едва скрывал колени, открытые плечи и волнующее декольте гармонично дополняли ее образ невинной простушки. Этой напускной невинностью она и покорила сердца мужчин. Вот и сейчас решила использовать проверенный козырь.

Когда раздался звонок в дверь, Карл otvorил и не смог отвести глаз от открывшегося ему великолепия. Он принял у гостыи зонтик, под ручку проводил ее к столу, попутно говоря какие-то формальные любезности, а в голове крутилась одна мысль: «Сегодня ты будешь моей!» Свет в комнате был приглушен, а свечи на столе задавали вечеру удивительно романтический тон. Карл блистал знаниями, много шутил, провозглашал витиеватые тосты. Марта без устали хохотала, стреляла в кавалера озорными глазами, рассматривала военную форму, элегантно сидевшую на мужчине напротив. Удивительно, что парочка много говорила об аэрологии. Оба были увлечены своей профессией и с удовольствием общались о том, что на других людей навеивает тоску. Пару раз за вечер дама удалялась поправить носик. Карл провожал ее взглядом, едва сдерживая свой восторг. Его распирало от предвкушения – лучшая из женщин вот-вот окажется в его объятиях.

– Спасибо за чудесный вечер, Карл, – сказала Марта, когда стрелки часов стали подгонять молодую девушку домой, – я получила большое удовольствие от общения с умным человеком и элегантным мужчиной. Мне пора домой.

Карл принял слова госты за кокетство. Бывают же такие девушки, которым непременно надо изобразить невинность, предпринять попытку уйти и быть счастливо остановленными властной рукой мужчины. Он взял Марту за руку, прижал к себе и приобнял второй рукой за талию.

– Удовольствие от общения с умным мужчиной может быть еще большим, – эта фраза Карла исключала всяческую двусмысленность. Мужчина предлагал женщине близость, и на это предложение надо было что-то отвечать. Марта высвободилась из объятий кавалера и под его недоуменным взглядом заспешила к выходу. Задержавшись в дверном проеме, она с видимым волнением сказала:

– Карл, ты славный и очень мне нравишься. Но... я пока не готова!

Девушка выбежала на лестничную клетку, не позволив себя проводить. Карл же так и стоял в коридоре, размышляя над тем, что произошло. Недоумение сменилось обидой, а обида – злостью.

– Не готова – не приходи! Дура! – рявкнул он, сняв, наконец, китель, и вернувшись за стол. Карл допил все вино, что стояло на столе. Не удовлетворившись, достал из бара початую бутылку коньяка и принялся ее опустошать, снова и снова прокручивая в голове диалоги минувшего застолья. Может, что-то не то сказал? Может, что-то не то сделал?

– А ну тебя! Сколько вас еще таких будет. А я один. И у меня впереди важное дело!

С этими словами лейтенант переместился со стула на маленький диванчик и, не снимая военных брюк, уснул в неудобной позе.

Через несколько дней Карл улетал военным самолетом в Нарвик. С собой он вез несколько объемных фанерных ящиков с аппаратурой, необходимыми материалами и имуществом для зимовки. Его провожали на аэродроме капитан 2 ранга Йонг и обер-лейтенант Шульце. Прощание было омрачено новостью, пришедшей накануне. Советский самолет-разведчик обнаружил немецкую станцию в Деревянной бухте. По его наводке в бухту вошел эскадренный миноносец. Высадившийся десант разрушил станцию. Один из зимовщиков погиб в перестрелке, а второй попал в плен. Последнее было особенно плохо, ведь оба зимовщика были в курсе планов Кригсмарине организовать наблюдательные станции на маршруте движения союзнических конвоев.

* * *

За учебой прошло полгода, и, хотя на улицах Мурманска все еще большими сугробами лежал снег, световой день уже был соизмерим с ночью. Гораздо медленнее, чем в средней полосе, но все же неминуемо, на город надвигалась весна. Жители заполярной столицы радовались, но в полной мере радоваться жизни мешали немецкие бомбардировки, случавшиеся почти каждый день. В большом городе было всего одно настоящее бомбоубежище, построенное по всем правилам. Оно размещалось в центральной части города и в период авианалетов принимало под свои своды всех, кто успел добежать до падения первых бомб. Это была мизерная часть мурманчан, оказавшихся в соответствующий момент поблизости. Для укрытия от воздушной угрозы при каждом предприятии и в каждом жилом квартале жители города построили сотни сооружений разной степени надежности. Это были и перекрытые железнодорожными шпалами щели, и укрепленные арматурой землянки. Для укрытия от неприятельских бомб использовались подвалы немногочисленных каменных и кирпичных домов.

Учеба Тихона на курсах происходила в самый разгар войны, когда мурманчане уже привыкли к бомбежкам. Каждый из них в каждый момент времени четко знал, куда бежать и что делать. Многие не боялись бомбежек и не покидали рабочих мест во время тревоги. Однако Тихону навсегда запомнилась первая бомбардировка, оставившая в его тогда еще детском сознании глубокую рану.

Из репродукторов, со страниц газет, в разговорах людей, везде только и слышно было: война! Тихон уже видел и немецкие самолеты, и даже воздушный бой, и это, безусловно, казалось ужасным. Как выяснилось, только казалось. По-настоящему страшно стало, когда на Мурманск посыпались первые бомбы. Класс Тихона находился на занятиях. В небе гудели моторы, но тогда казалось, что пространство над городом находится под надежной защитой советской авиации. Неожиданно воздух вокруг наполнился громкими, не привычными для слуха звуками: раскатами грома, леденящим душу воем, скрежетом! С треском и звоном вылетели оконные стекла. Школьников выбросило из-за парт и щедро осыпало битым стеклом и штукатуркой. Тихон больно ударился о стену и впал в какой-то ступор от вида крови – одна из девочек получила глубокий порез стеклом. Со стороны лестничного марша стали доноситься визг и топот десятков быстро бегущих ног, истерический женский крик и плач.

Пожилой учитель, которому и самому перепало, первым оправился от шока. Под аккомпанемент запоздавшей «Воздушной тревоги» он стал поднимать детей с пола, направляя вниз, в подвал. Скатываясь вниз по лестнице, Тихон боковым зрением разглядел агрессора: на небольшой высоте – казалось, буквально над крышами домов – шли немецкие самолеты. Пара из них прошла в страшной близости от школы, Тихон сумел разглядеть и кресты на крыльях, и грязно-жирные пятна под мотором. Через мгновение после их пролета в соседнем от школы здании раздался мощный взрыв. Детей снова окатило фонтаном битого стекла. На этот раз из окон подъезда. В спасительном подвале было темно, страшно, непривычно, неудобно... Подвал был немаленьким, но в его входной части образовалось столпотворение. Тихон стоял, прижатый к стене другими детьми. Лишь когда зрение привыкло к темноте, он разглядел свое ближайшее окружение. Выяснилось, что он существенно отстал от своих одноклассников. Видимо, замороженный видом пролетающих немецких самолетов, он все же задержался на лестнице. Наказанием за его любопытство были пусть и не глубокие, но болезненные порезы от стекла на левом плече.

Во тьме подвала стоял вой. Кто-то плакал, не оправившись от первого шока. Кто-то, наоборот, от осознания того, что произошло. Кто-то – за компанию, поддавшись общему настроению. Тихону отчетливо помнилось необычное сочетание: одни люди были в голос, другие, те, что переговаривались, делали это шепотом. Так уж устроен человек: если прячешься от чего-то – говори шепотом. Когда рев моторов смолк, учителя, что сумели сохранить самообладание, вышли на улицу «на разведку». Лишь спустя несколько минут, когда в небе стало окончательно тихо, дети стали гуськом выходить из подвала.

Всех выводили на школьный двор, но в суматохе и в поисках своего класса Тихон вышел к школьному фасаду. Его глазам открылась страшная картина. Мимо бежали перепуганные люди, кто в чем. При всей хаотичности их движения отчетливо угадывалось его генеральное направление – к окраинам города. На улице были беспорядочно брошены детские коляски, шляпы, зонты. Здание из красного кирпича, расположенное через дорогу от школы, зияло большой дырой. Края дыры были обожжены, свидетельствуя о чудовищной силе взрыва. Между школой и пострадавшим зданием в луже крови лежал человек, а рядом с ним – лошадь с развороченным животом. Вокруг были разбросаны пустые бидоны из-под молока. Тихон узнал погибшего. Это был Степаныч, пожилой человек, развозивший по школам молоко. Тихон стоял как вкопанный и не смел шелохнуться. Даже пронзительный вой нового сигнала тревоги не мог вывести его из этого состояния. Позже он даже не вспомнил, чья именно властная рука схватила его за рукав и увлекла за собой в темноту подвала.

С тех пор были еще сотни таких тревог и бомбежек. Мурманчане, поредевшие после мобилизации мужчин, эвакуации женщин и детей, научились жить под ежеминутной угрозой воздушного нападения. Конечно, человек не может принимать это как данность, но и бояться бесконечно он тоже не может. Со временем каждый находит для себя компромисс между сохранением здоровья физического и здоровья душевного. Результатом этого компромисса для каждого становится его личная формула – индивидуальное соотношение между страхом и пренебрежением к нему. Для Тихона эта формула вышла с явным перевесом не в пользу страха. Он не особенно переживал за свою жизнь, однако сильно волновался за жизни и здоровье родных и близких. Парень неплохо знал Мурманск, и у него было много друзей и знакомых. Тем печальнее было ему узнавать о каждом новом разрушенном бомбой здании и о каждом новом случае гибели людей. Это еще больше укрепляло в юноше ненависть к врагу и уверенность в том, что надо как можно скорее отправиться на фронт. Тем нелепее ему казалось обучение такой мирной профессии, как метеорология.

Ложась вечером спать, юноша закрывал глаза и начинал фантазировать. Ему представлялось, что каким-то чудом он все же оказался в рядах Красной армии. Вот мурманский морской порт, на причале стоит строй морских пехотинцев, играет музыка, на трибуне стоят первые лица. Какой-то важный человек (в своих фантазиях Тихон опускал некоторые детали) из Военного совета флота проводит торжественный митинг по случаю отправки героев на фронт. Важный человек говорит высокопарные слова, лицо Тихона мужественно и напряженно. Оно обдувается холодным ветром с залива. В толпе зрителей стоят и рыдают родственники морских пехотинцев. Стоит там и мама, которая тоже, непременно, плачет. А вот! Кто же это у нас? Это девочка Тая. Тая закончила курсы наблюдателей, ей тепло, сытно и безопасно, стоит в толпе зевая серой мышкой и провожает на фронт на верную гибель, безусловно, на гибель героическую. Иначе и быть не может! Звучит команда, и морские пехотинцы быстро, но деловито, без суеты занимают свои места в катере.

Потом фантазии как бы убыстряются, пропуская нудный и неинтересный переход через Кольской и Мотовский заливы, и переносят полусонного юношу на скалистые берега Рыбачьего. А там! Ну конечно, снова стихийный митинг. И вот уже начальник Северного оборонительного района стоит на трибуне и приветствует молодое пополнение. Он тоже говорит пафосные слова: «Сынки... Родина... собака-Гитлер... ни шагу...» Тихон никогда не мог отследить момента, когда его фантазии переходили в сон. То, о чем он фантазировал перед сном, как под копирку совпадало с его снами. Торжественный митинг, увиденный то ли в фантазии, то ли уже во сне, перерастал в жаркий бой. Один за другим справа и слева падали его товарищи, сраженные пулями. Тихон штурмовал сопку, на которой укрепились немцы. От обладания этой сопкой, конечно же, зависело все положение советско-германского фронта. Ни в какой своей ипостаси, ни в фантазии, ни во сне, Тихон не допускал и мысли о том, что и он вот так же может быть убит. Нет. По пути к сопке его ранит. Потом еще. Потом еще! Он истекает кровью, но добирается до немецкого то ли дота, то ли дзота, то ли окопа... Не важно, что там у них, у немцев. Бросает туда одну за другой гранаты и без чувств валится на спину, сжимая в руке окровавленную саперную лопатку. Таким его и обнаруживают советские войска, подоспевшие на сопку, чтоб развить его успех. Еле живого, израненного морского пехотинца кладут на плащ-палатку и бережно несут к врачам. Там выясняется, что все раны страшные, но не смертельные и излечимые. Тихона направляют в госпиталь, где он, весь в бинтах, с орденом на пижаме, встречается с пионерами.

Как правило, именно на этом месте, на уроке мужества с пионерами, мама будила Тихона и самым безжалостным образом возвращала героического морского пехотинца в бесславную реальность. Только что ему рукоплескали, и вот уже он идет на озеро за водой, умывается, чистит зубы, пьет чай, расчищает перед домом снег, отбрыкивается от маминых объятий и идет на ненавистную учебу. Как же отличается эта желанная доля от той, что досталась! Как

же невыносимо быть школяром, когда внутри воин! В том, что внутри него воин, Тихон не сомневался ни на секунду. Ему было досадно, что другие этого не замечали. Парень придумал, как продемонстрировать окружающим свою смелость и решительность.

Жизнь в Мурманске притупила в Тихоне ощущение опасности при авиационных налетах. По началу он с первыми звуками воздушной тревоги бежал в подвал так, что аж пятки сверкали. Тихону казалось, что, быстро перемещаясь в подвал, он демонстрирует окружающим свою дисциплинированность и высокую личную организованность. Окружающие поддерживали в нем эту позицию, отмечая парня с лучшей стороны. Со временем и звук сирены, и рев моторов, и гул разрывов стали привычным жизненным фоном. Не раз Тихон наблюдал, как при объявлении тревоги гражданских сотрудников управления и их – слушателей курсов – заставляли спускаться в подвал, а некоторые из офицеров оставались на рабочих местах. Рисковать жизнью и не укрываться в убежище было прерогативой военнотружущих и дежурной смены. Синоптики, в работе которых каждая минута была на счету, не могли себе позволить терять время в подвале.

В один из дней, когда слушатели курсов изучали под руководством женщины-техника правила нанесения информации на метеорологические карты, за окном раздался характерный вой воздушной тревоги. Не дожидаясь никаких команд, все слушатели организованно встали и направились к выходу из комнаты. Женщина-техник задержалась, чтобы наспех свернуть карты, собрать со столов чернильницы и перья. Упала бомба поблизости от здания, и все это добро окажется на полу. Тихон вызвался помочь, а завершив уборку, когда сокурсников и след простыл, сообщил преподавательнице о том, что побежал догонять остальных. Хитрость удалась: преподаватель думала, что парень в подвале, а сокурсники думали, что он помогает преподавательнице и вот-вот спустится.

Освободившись от надоедливой опеки, заранее продумав свои действия, Тихон рванул не вниз, а вверх по лестнице. В считанные секунды он оказался на чердаке, а затем и на крыше здания. Здесь его искать никто не догадается да и не отважится. Над городом разливался вой воздушной тревоги, воспроизводимый сотнями репродукторов. Теперь, по прошествии нескольких минут, он дополнялся еще и гулом моторов, и звуками воздушного боя. С крыши двухэтажного здания молодому человеку открылась страшная и вместе с тем величественная картина. С запада, с противоположной стороны Кольского залива, надвигались немецкие самолеты. Они шли в геометрически правильных порядках, что придавало строю еще большую зловещесть. Погода выдалась на редкость хорошей, и немцы, похоже, решили отыграться за дни простоя своей авиации. Тихон всматривался вдаль и отчетливо видел все новые и новые волны бомбардировщиков, тем временем как первые из них уже сбрасывали свой груз на городские окраины. Небо буквально кипело от разгоравшихся в нем событий. Советские истребители отчаянно бросались на тучи бомбардировщиков, разбивая их строи, завязывая жаркие схватки с истребителями их прикрытия. Не выдержав натиска, там, где ордер самолетов был рассеян, немцы беспорядочно бросали бомбы и разворачивались на запад. Там, где противнику удавалось сохранить боевой порядок и прикрытия истребителей, они настойчиво прорывались к своей главной цели – порту. То и дело из клубка, бешено вращавшегося над городскими улицами, вываливался то советский, то немецкий самолет. Вот огромная немецкая машина с грохотом, клубами дыма и языками пламени рухнула на окраине города. Вот советский самолет практически без крыла каким-то чудом уводится летчиком от жилых кварталов и, поднимая огромный столб воды, падает в Кольский залив. Поврежденные самолеты, источая шлейф дыма, уходят на свои аэродромы. Бой разгорается, и вот уже то тут, то там полыхают деревянные здания, клубится черный густой дым. Улицы пусты.

Тихон и не заметил, как трио самолетов с крестами на крыльях, освободившись от преследования советских истребителей, прорвались сквозь незримые воздушные заслоны и направляются к центру города. Когда парень сделал для себя это страшное открытие, огром-

ные ревушие машины были уже совсем близко. Тихону показалось, что они летят вовсе и не на порт, и не на Мурманск, и не на Советский Союз, а прямо на него лично! Тело сковал какой-то гибельный восторг, не позволявший отвести от этого зрелища взгляда. Лишь когда в считанных сотнях метров от здания управления гидрометеорологической службы флота от крыльев стервятников стали отделяться и с воем уходить вниз массивные бомбы, Тихон бросился к слуховому окну. Первый разрыв со страшным грохотом сотряс воздух и сбил парня с ног. Да, ощущения от бомбежки в подвале и на крыше – это совершенно разные вещи. Треугольник, в вершинах которого располагалось по вражескому бомбардировщику, с невообразимым адским рокотом прошел над крышей здания, когда Тихон кубарем катился вниз по лестнице. Стены здания и ступени лестницы ходили ходуном от близких разрывов бомб. Все естество парня настойчиво требовало как можно скорее покинуть этот ад, оказаться среди своих. Они ничем не защитят. Но если уж умирать, то не в одиночку.

В тот день бомбежка была настолько сильной, что в подвал здания спустились и офицеры, и дежурные синоптики, и начальник. В полумраке убежища люди делились соображениями.

– Что-то враг сегодня особенно люет, – пробасил инженер из отдела гидрологии.

Высокий голос дамы из синоптического отдела отвечал:

– А чего удивляться? Неделю погоды не было – подкопили силенок, и вперед!

– Спасибо вам, родные, что так точно предсказали на сегодня, – вмешался в разговор начальник управления, который был в подвале редким гостем. – Я еще позавчера доложил ваш прогноз на сегодняшнее улучшение погоды и командующему, и ПВОшникам, и Папанину. Пусть немец куражится, в порту нет ни единого судна.

– Верно, начальник, говоришь, – из полумрака подвала раздался чей-то одобряющий голос, – пусть фриц порезвится, стекла побьет в городе. Главное – чтоб дело не пострадало. Сейчас закончится бомбежка, уточним прогноз, доложим наверх. Как немца прижмет к земле облачность, так и разгрузим суда.

От близких разрывов бомб стены подвала заходили ходуном, а на головы укрывавшихся в нем людей посыпалась штукатурка. Характерный гул, приближавшийся, перешедший в сильный рев и начавший снова удаляться, подсказал, что над зданием прошла целая группа бомбардировщиков, чей смертоносный груз лишь по случайности не угодил в них. В этот момент в дверь убежища вкатился взъерошенный Тихон. Оказавшись со света в полутьме, он зацепился за порог и повалился на начальника, едва не сбив его с ног. Начальник по-отечески прижал парня к себе, почувствовав, как его тело прошибает дрожью. От пережитого стресса парня трясло. Ругать его было бесполезно. По крайней мере, в этот момент.

Вопреки опасениям Тихона, никаких серьезных последствий его безрассудного поведения не было. В управлении с ним лишь провели разъяснительную беседу, рассчитывая на то, что самое большое наказание ждет «смельчака» дома. Но и дома никто не ругался. Мать просто проплакала весь вечер. Тихон подбирал в голове слова, как объяснить маме мотивы своего поступка. Теперь они больше не казались ему ни благородными, ни мужскими – скорее, инфантильными. Однако мать не стала ни о чем расспрашивать, ее слезы и молчание действительно стали самым суровым наказанием. Не обошлось, правда, без едких комментариев Таи. Тихон в очередной раз узнал от нее, что он дурак. Теперь он был согласен.

За месяцы учебы Тихон познакомился с общими понятиями об атмосфере, с гидрометеорологическими приборами и правилами их использования, научился наблюдать погоду и кодировать данные наблюдений. Офицеры гидрометслужбы научили слушателей выполнять работу техника-метеоролога, наносить информацию на синоптическую карту и считывать ее оттуда. Обучение на курсах завершилось короткой стажировкой в бюро погоды, больше напоминавшей экскурсию, и итоговым экзаменом, который Тихон сдал превосходно. Уступил он разве что девочке Тае.

Экзамены на курсах метеонаблюдателей принимал начальник управления гидрометслужбы флота инженер-майор Василий Беляковский. По окончании экзамена все слушатели столпились у дверей его кабинета, и заведующий курсами Митрохин, заводя их по одному в кабинет к высокому начальнику, докладывал об успехах каждого. Решение о распределении выпускников принималось тут же – с учетом пожеланий ребят и их способностей. После двух-трех минут беседы девочки выскакивали из кабинета счастливые и начинали делиться с окружающими радостью по поводу назначения в одно из подразделений службы. Кто-то направлялся в бюро гидрометеорологического обеспечения флота в Полярный, одну девочку направили в отдаленную Иоканьгу, а одна попросилась в Архангельск, куда были эвакуированы ее родные. Самым способным выпускникам предлагалась работа в центральных подразделениях службы в Мурманске. Остальных распределяли на периферию.

Пришла очередь и Тихону заходить в кабинет. Митрохин вошел за ним, зачитал характеристику и оценки выпускника, после чего оставил его наедине с начальником. На беседу с каждым из предыдущих выпускников и определение его дальнейшей судьбы у начальника уходило не более трех минут. Однако прошла уже четверть часа, а Тихон все никак не выходил. Заинтригованные девочки попытались подслушать, что же происходит в кабинете, но сквозь тяжелые деревянные двери были слышны лишь звуки шагов начальника. Тая, приложившая немало сил, чтобы обставить способного юношу на выпускных экзаменах, начала ревновать.

– Присаживайтесь Тихон, – Беляковский заглянул в дело слушателя и добавил: – Тихон Анатольевич. Как одному из лучших выпускников курсов я могу предложить вам любое...

– Не надо мне любое! – выкрикнул Тихон. Он резко поднялся со стула, на который сел несколько секунд назад, и, напирая на начальника, стал разъяснять ему, что думает о перспективе работы в гидрометслужбе. – Спасибо за честь, товарищ майор, карандаши точить для бабушки-синоптика, пока враг бесчинствует на родной земле! Там, за дверью, – Тихон показал на массивные двери, за которыми ожидали другие слушатели, – много желающих, чтоб тепло и сытно! Вот из них и выберите. А я! А я – бить фашистскую гадину... Ни шагу назад!

С первых слов юноши, очень напоминающих фразы из репродуктора или агитационной газеты, начальник понял, в чем дело. Ребята, грезившие фронтом, были в разгромленном Мурманске не редкостью. Приказать выпускнику курсов работать в том или ином месте было невозможно, ведь он был вольнонаемным, да еще и несовершеннолетним. Тихон имел все основания записаться добровольцем на фронт, а спустя время его хочешь не хочешь забрали бы на фронт по призыву. Но и отпускать такого специалиста тоже было нельзя. Зря, что ли, в его обучение вложено столько времени и сил.

– Так вы, Тихон, служить хотите? – спросил начальник управления, меряя свой кабинет широкими шагами.

Молодой человек, ожидавший уговоров, истерик, угроз, упреков, чего угодно, но только не понимания, был крайне удивлен:

– Да, товарищ майор, очень хочу, всей душой. И даже не уговаривайте меня смотреть на облачка. Мало вам, что ли, девочек вон там, в коридоре? Хочу до последней капли крови!

– Что ж, достойная позиция, – неожиданно скоро согласился Беляковский. – Будь твою. Иди, сынок, служи.

Тихон выскочил из дверей начальника, разметаив тщедушных девочек по разным сторонам коридора. Ничего им не объясняя, он пулей вылетел из здания, надевая шапку и пальто на ходу.

– Я же говорила, он дурак, – поднимаясь с пола, прошипела Тая.

А начальник управления гидрометслужбы еще некоторое время в задумчивости расхаживал по кабинету. Он побеседовал со всеми выпускниками, но не выходил из своего кабинета, пока не придумал, как поступить с самым своенравным из них. Спустя несколько минут начальник сел в кресло и произнес:

– Если Вася не смог уговорить Тихона, посмотрим, как сложится беседа между майором Беляковским и краснофлотцем Маркиным.

Затем он хитро улыбнулся и приказал построить всех выпускников для поздравления и напутственного слова.

Возбужденный Тихон помчался со справкой об окончании курсов напрямик к Эдуарду Павловичу. Одноногий сосед очень сожалел, что полгода отсрочки несколько не изменили позицию Тихона. Расчет был на то, что парень увидит, сколь сложна, важна и ответственна работа гидрометеоролога, поймет, что, работая головой, можно принести Родине существенную пользу и что приносить эту пользу можно начать уже сейчас, не дожидаясь 18-летия. Однако его надежды не оправдались. Блеск в глазах Тихона был еще ярче, а вот аргументов в запасе у Эдуарда Павловича уже не было. Надо было держать слово. Без особой надежды на успех он решил напоследок еще раз проверить молодого упрянца на крепость:

– Ты спешил окончить школу, спешил поскорее окончить курсы, теперь спешишь на фронт. Тебе может показаться, что ты торопишь жизнь. На самом же деле ты торопишь свою смерть, сынок.

Тихон только шире улыбался. Он прекрасно понимал, что сосед – человек слова. Справка, что парень сжимал в руке, была его путевкой на фронт, и он ее честно заслужил. Верный своему слову, Эдуард Павлович принял его в формируемую из гражданских жителей Мурманска команду добровольцев. Уже на следующий день юношу переодели в военную форму и вместе с другими добровольцами направили в учебный отряд, расположенный неподалеку от города. В воинской части не было ни мамы, ни Таи, вообще не было никого из знакомых. Жизнь с чистого листа! Жизнь в военной форме! Жизнь военным! Жизнь военным в военное время! Вечерние фантазии наконец-то обретают реальные очертания, наполняются содержанием, получают физическое воплощение. Война! Она теперь так близко, почти осязаема и так желанна. Держитесь, фрицы!!!

Однако не прошло и суток, как восторг сменился разочарованием. Выяснилось, что ни на какой фронт никто из части пока не едет, что двум сотням добровольцев за месяц только предстоит стать воинами, после чего они принесут присягу и только после этого отправятся на фронт. Это был замкнутый круг. Сперва учеба в школе, затем – учеба на курсах, и вот теперь, когда Тихон добился своего и стал военнотружущим, он снова оказался за партой. Вместо окопов ему и его товарищам пришлось изучать, какие бывают гранаты, какие бывают винтовки и на какую дальность поражает врага миномет. Моряки ускоренно изучали строевую подготовку, много занимались физкультурой. Приходилось учить и уставы. Несколько раз учебную роту вывозили на стрельбище, где в числе прочего каждому моряку дали бросить учебную гранату.

Занятия проводились в стылом бараке. Порой, когда тело промерзло, а руки коченели, Тихону вспоминался уютный класс, в котором проходило обучение на курсах. Моряк решительно гнал от себя такие мысли. Не об этом ли стылом бараке он мечтал последние месяцы? Каждому моряку были выданы тетрадь и карандаш. Соседями по учебной скамье были уже не благородные девицы из гидрометслужбы, а полные решимости бить врага ребята из морского порта и с других предприятий города, с судов гражданского флота или такие же, как он сам, приписавшие себе возраст вчерашние школьники. Как-то в очереди на полевую кухню парни покрепче, державшиеся группой, оттеснили Тихона, из-за чего он оказался в очереди на несколько человек дальше. Тут вспомнилась Тая. Ее можно было в глаза называть дурой, и она ничего кроме «дурак» ответить не могла. Тут не пообзываешься. А обзовешься, так никто и разговаривать не будет. У порттовых грузчиков разговор короткий. Тихон утешал себя, что в воинских и в мужских коллективах вообще так бывает. Все тут парни что надо. Следует просто обзавестись друзьями.

А вот офицеры, по мнению Тихона, снова подвели. Что в гидрометслужбе были недоделанные, что здесь какие-то странные. Командир учебной роты, офицер в звании старшего

лейтенанта, был без одного глаза. Преподаватель огневой подготовки заикался так, что не мог связать двух слов. Старшина роты вообще был без одной руки по локоть, что, однако, не мешало ему наводить ужас на подчиненных и поддерживать в коллективе железную дисциплину. Больше всех Тихону запомнился начальник тыла учебного отряда. Вся левая сторона его тела была обожжена так, что при входе на камбуз от одного только его вида у многих пропадал аппетит, хоть есть после занятий хотелось очень сильно. Люди, опаленные и покалеченные в боях, приносили Родине пользу, как могли. Не в силах держать оружие, они готовили достойную смену, пополнение. На своих постах эти люди, прошедшие через ад войны и лишившиеся на ней здоровья, были в сто крат ценнее вышколенных небитых офицеров. Эти-то знали, что к чему, знали, как и чему учить.

Моряки учебного отряда несли дежурства и вахты. Это занятие Тихон считал единственным достойным из всего, что ему тут приходилось делать. Стоя на тумбочке дневального, он часами жалел себя, сокрушаясь, что его преследует злой рок. Война ведь в самом разгаре, а вместо отца-командира, ведущего его в безудержную штыковую атаку, Тихону до сих пор доводилось видеть только сборище инвалидов, принуждающих его читать устав, мести в казарме пол и при строевом шаге отрывать ногу от плаца на высоту 40 сантиметров. Знал бы Тихон в тот момент, что это не последняя его учеба на этой войне...

Через месяц курс подготовки был окончен и все воспитанники учебного отряда были приведены к воинской присяге. На присягу в числе немногочисленных родственников моряков приезжала и мама Тихона, которая едва сдерживала слезы то ли от торжественности происходящего, то ли от переживания за будущее сына. Уже на следующее утро в отряд привезли новую партию добровольцев, а за старыми стали приезжать те, кого здесь принято было называть покупателями. «Рота, выйти построиться!» – звучала команда, и двести человек мгновенно строились в ротном коридоре в ожидании своей судьбы. Одноглазый командир роты зачитывал фамилии из списка, и краснофлотцы, в нарушение устава наспех обнимаясь с товарищами, выходили из строя и скрывались за воротами КПП в сопровождении неизвестных офицеров и старшин. Самая большая команда, насчитывавшая около 100 человек, отправилась из учебного отряда на вокзал. Эти моряки направлялись куда-то в центральную часть страны.

Около 50 моряков забрала себе морская пехота Северного флота для пополнения войск Северного оборонительного района. Эта команда на двух грузовых автомобилях отправилась в Ваенгу, где ей предстояло погрузиться на судно, идущее на полуостров Рыбачий. Тихон был расстроен, что не оказался ни в первой, ни во второй группе. По 20 человек забрали к себе бригада подводных лодок и бригада эсминцев. Этим ребятам Тихон не завидовал. Если убывшие на фронт максимум через неделю смогут увидеть врага, смогут по нему стрелять и отважно смотреть смерти в лицо, то последним двум группам еще предстоит много чего изучить и освоить, прежде чем стать полноценными членами экипажей. А это снова наставники и ненавистные тетради.

В огромной казарме, в которой еще несколько часов назад стоял птичий базар, теперь в разных углах и на разных ярусах коек осталось всего несколько краснофлотцев. Один из них окончил когда-то два курса медицинского училища, и за ним приехали офицеры из медицинского отдела флота. Трех забрали писарями в штабную команду. Даже за пареньком, который хорошо играл на трубе, уже приехали на полutorке из военного оркестра. Только Тихон оставался лежать в пустой казарме, положив под голову приготовленный вещмешок. Как и почти все юноши, попавшие в учебный отряд, краснофлотец Маркин начал курить. Сделал он это по одной простой причине – это было круто и по-взрослому. Теперь, лежа в огромном помещении, он то и дело выходил из казармы, чтобы стрельнуть папироску у молодого пополнения. Одноглазый и однорукий уже были заняты новыми моряками и ничего, кроме «жди», на вопросы Тихона не отвечали.

«Краснофлотец Маркин, выйти построиться!» – команда прозвучала, когда Тихон, уставший ждать своей участи, задремал в тишине опустевшей казармы. Он молнией спрыгнул со второго яруса и бросился в коридор, но увиденное там повергло моряка в шок. От неожиданности он споткнулся, упал и выронил вещевой мешок. В коридоре перед дверью казарменного помещения в черной шинели и фуражке стоял начальник гидрометслужбы флота, а одноглазый капитан передавал ему документы. Офицеры засмеялись, и командир учебной роты продолжил нахваливать усердие краснофлотца Маркина в освоении военной науки и его способность к учебе. Беляковский ответил:

– Да, я знаю. Мы с этим парнем уже встречались.

От учебного отряда до центра Мурманска надо было ехать примерно полтора часа по неосвещенной, плохо расчищенной дороге. Половину этого пути Тихон пытался сдерживать слезы, которые так и наворачивались на глаза от мысли, что коварные метеорологи его перехитрили и что не видать ему теперь фронта, как своих ушей. Проезжая город, Тихон поймал себя на мысли, что не был в нем уже больше месяца. Он стал смотреть в окно автомобиля и постепенно успокоился. К зданию управления гидрометслужбы машина Беляковского подъехала ближе к полуночи. Входная дверь была уже закрыта. Майор Беляковский отпустил машину в гараж и позвонил в звонок.

Открывший дверь офицер с повязкой на рукаве и кобурой на ремне вытянулся и, приложив руку к фуражке, четко доложил начальнику, что происшествий не случилось. Беляковский принял доклад, пожал руку старшему лейтенанту и приказал через пять минут принести к нему в кабинет два стакана чая и доложить текущую информацию. Тихон, оглядываясь по сторонам, пошел за начальником вверх по лестнице в его кабинет. Как и у всех начальников, здесь были Т-образный стол для совещаний, рабочее кресло, портрет Сталина, на столе два телефонных аппарата и множество документов. Еще в кабинете были шкаф с формой и небольшой диванчик, куда Тихону было предложено присесть.

Единственным, что указывало на профессию хозяина кабинета, были красиво расставленные на полках с книгами метеорологические приборы. Они привлекли внимание гостя.

– Нравится? – спросил Беляковский. – Люблю я их. Только все это нерабочее. Приборов не хватает – то они в бомбежке погибнут, то умники какие сломают. Я расставил на полки для красоты то, что не удалось починить.

Вошел дежурный с чаем. Начальник передал один стакан Тихону и попросил его посидеть спокойно, пока он улаживает служебные вопросы. Старший лейтенант начал доклад:

– Товарищ майор, в настоящее время в Кольском заливе наблюдается ветер южный, пять баллов. Это сведения от станции в Полярном. Юг Баренцева моря находится в теплом секторе циклона, ночью ожидаем перемену направления ветра и прохождение атмосферного фронта.

– Вижу. А что синоптики прогнозируют на завтра на вторую половину дня в тыловой части циклона? – Беляковский провел обратной стороной карандаша по карте вдоль северного берега Кольского полуострова.

– На побережье Мурмана ждем северо-западный ветер четыре – шесть баллов, в отдельных порывах – до семи. Волнение моря – три балла, в Мотовском заливе – два-три балла.

Офицер отвечал на вопросы начальника коротко, но, между тем, в развернутой форме. Он держался очень уверенно. Видно было, что старший лейтенант великолепно владеет обстановкой и готов ответить на любой вопрос, связанный с погодой на флоте.

– Это хорошо. Значит, молодое пополнение из Ваенги на Рыбачий будет доставлено в срок. Слышишь, Тихон? – Беляковский оторвался от карты и перевел взгляд на диванчик, где сидел краснофлотец. – Про твоих однокашников говорю. Завтра в полдень два взвода моряков из твоего учебного отряда морским транспортом должны быть доставлены в Северный оборонительный район. Утром командующий непременно спросит у меня, что гидрометслужба советует по срокам этого перехода. Так, а что у нас с поврежденным бомбой каналом связи?

– Работали сегодня целый день. Сейчас прервались на ночь, но завтра к обеду связь службы погоды со штабом 14-й армии обещали восстановить. Кстати, вам звонил Папанин, просил перезвонить, во сколько бы вы ни вернулись. Он ждет звонка.

Тихона аж ударило током. Легендарный полярник, Герой Советского Союза, уполномоченный ставки Верховного главнокомандования Иван Папанин ждет звонка Беляковского. Это еще что. Утром сам командующий будет спрашивать мнение Беляковского. А Тихон еще считал этого человека «полугражданским». Начальник велел дежурному разместить краснофлотца на ночлег, соединить его с Папаниным, а утром разбудить в 5.30. Старший лейтенант повел Тихона вниз по деревянной лестнице, ступени которой в ночной тишине противно скрипели, и указал на деревянный топчан, где моряку предстояло провести остаток ночи. Тихон долго не мог заснуть, он обдумывал увиденное и услышанное в последние полтора часа.

Наутро краснофлотца покормили и организовали для него небольшую экскурсию по зданию, в котором располагалось управление гидрометслужбы. Тихон увидел, как трудятся синоптики, и даже встретил двух знакомых девочек, с которыми обучался на курсах гидрометнаблюдателей. На сей раз он уже не относился к ним пренебрежительно. Школьницами этих девочек назвать было никак нельзя. Они выполняли важную работу. Тихон отметил, что с момента окончания курсов прошел всего месяц, но девочки уже успели заработать авторитет и стали полноправными членами коллектива мурманских прогнозистов. Побывал Тихон и в хозяйственном отделе. Мама, которая там отвечала за хранение и выдачу бланков и карт, не могла нарадоваться на сына, который теперь служил в гидрометслужбе.

В полдень Тихона пригласили в кабинет начальника УГМС, где уже полным ходом шло совещание. За столом и на диванчике сидели офицеры с блокнотами, на столе были разложены карты. Тихона очень удивило то, что среди офицеров было несколько женщин. Все сидящие принялись рассматривать моряка, а начальник управления встал с кресла и поспешил его представить:

– Вот, товарищи, краснофлотец Маркин, лучший выпускник наших курсов.

У Тихона невольно подбородок приподнялся вверх, а тело вытянулось в строевой стойке. В этом обществе статус лучшего гидрометнаблюдателя дорогого стоил. Не меняя радостно-приподнятой интонации, начальник продолжил:

– Бегаёт от нас, как заяц. Пришлось за такого красавца в отдел комплектования бутыль спирта отнести. Почти месяц из-за его прихоти потеряли.

Тихону стало стыдно. Он не понимал, о чем идет речь, но готов был провалиться от стыда сквозь землю. Последние сутки очень изменили его отношение к военной гидрометеорологии. Сейчас, испытывая на себе взгляды офицеров, он осознал, насколько по-детски он вел себя после экзаменов в кабинете начальника. Он готов был сделать сейчас все, чтобы изменить мнение о себе людей, собравшихся в кабинете.

– Я заметил, как ты был удивлен вчера, когда узнал, что мне звонил Папанин. Я с ним созвонился ночью, и мы с Иваном Дмитриевичем проговорили 30 минут. И все о тебе.

У краснофлотца перехватило дыхание, а по коже пробежали мурашки. Это шутка? Не похоже, чтобы майор шутил. Тихону Маркину хотелось, чтобы Беляковский не тянул, а как можно скорее сообщил, что же гидрометслужбе флота нужно от него, еще недавно простого мурманского школьника.

* * *

Карл Бломберг прилетел на базу немецких военно-морских сил в Арктике, в норвежский город и морской порт Нарвик. Еще в 1940 году немцы взяли Нарвик, выбив из него норвежцев, французов и поляков и превратив его в настоящее осиное гнездо. В числе прочих сил здесь базировалась и 14-я флотилия подводных лодок. Как и многие другие европейские города,

находящиеся под немецкой оккупацией, Нарвик жил привычной для себя жизнью. Рыбаки выходили в море на свой промысел, в городе можно было постричься, поесть, найти себе развлечения и отдых. О том, что идет мировая война и город является своеобразным форпостом рейха в Арктике, говорило разве что обилие на улочках людей в форме Кригсмарине.

Лейтенант сдал имущество, выгруженное из транспортного самолета, под ответственное хранение и со спокойной совестью разместился на ночлег в гостинице. Наутро он пошел по инстанциям. Необходимо было представиться старшему морскому начальнику и передать ему документы из верховного командования Кригсмарине, предписывающие оказать всяческое содействие. Из Берлина с Бломбергом прибыло лишь самое необходимое. Остальное имущество ему предстояло получить на месте, в Нарвике. Для этого в кожаном портфеле офицера были заготовлены десятки накладных. Завизировав их у соответствующих начальников и получив в свое распоряжение пару матросов и автомобиль, Карл отправился в увлекательное путешествие по закоулкам Кригсмарине. Сколь ни хороши были его документы на получение досок, муки, оружия, а нервов пришлось потратить немало. На каждом складе сидел свой «князек», желавший набить себе цену и не желавший разбазаривать вверенное имущество в интересах залетного лейтенанта.

И все же к исходу дня необходимое имущество было получено. Лейтенант был настолько измотан тяжелым днем, что уснул в кабине, пока грузовик вез его к причалам. Матросы, ехавшие в кузове, тоже были измождены. Они устроились на мешках и ящиках и пытались дремать, чертыхаясь при наезде на неровности. Когда грузовик приехал на причал и остановился возле одной из подводных лодок, Карл, надевшийся, что его злключения подходят к концу, был неприятно удивлен. Для транспортировки грузов лодкой часть имущества предстояло переложить в ящики особой формы, проходящие в отверстие рубочного люка. А эти ящики еще предстояло найти.

Валясь с ног от усталости, лейтенант разыскал людей, которые указали на других людей, которые, в свою очередь указали на ящики. Пришлось организовывать доставку тары к причалу и перекладку в нее всего, что Карл Бломберг намеревался взять с собой на остров. Все это время на причале царил оживление – полным ходом шла подготовка подводной лодки U-114 к дальнему походу. Всюду сновали моряки, к лодке то и дело подъезжали автомобили. Карл, не искушенный в военно-морской иерархии, не смог с первого взгляда установить, кто же заправляет на этом «празднике жизни». Все были при деле, все спешили, и Карлу, суетящемуся на причале со своими ящиками, казалось, что никому до него нет дела. Это перед Мартой он был военно-морским офицером. Здесь же, среди настоящих военных моряков, он почувствовал себя ботаником, инородным телом, полным профаном. Нельзя было допустить, чтобы это его внутренне ощущение передалось другим. Надо было хотя бы изобразить из себя офицера, раз уж Карл не являлся таким по сути. Он решил, что разыскивать командира и представляться ему следует лишь после того, как с его стороны все будет готово к погрузке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.